

Геофизик с фотоаппаратом

**Елена
ХРАПОВА**

ДЛЯ Рима Динькаева буровые вышки и нефтяные качалки с детства были привычной частью пейзажа, как ёлочки и сосенки. Он рос в Октябрьском Башкирской АССР, что находится почти в центре Приволжско-Уральской нефтегазоносной области. Этот населённый пункт стал городом в 1946 году благодаря открытию нефти. Над школой, где Рим учился, шествовала геофизическая контора. Обычную для того времени летнюю практику ученики проводили в поле, у геодезистов. Шефы забирали мальчиков на месторождение месяца на два, обучали азам своей работы, объясняли, как работают их приборы, учили вычерчивать и читать схемы.

В 1961 году, окончив школу, Рим устроился работать геофизиком. Отслужил в армии, вернулся на то же предприятие. Из друзей многие стали уезжать "на севера", и он решил не отставать. Сначала съездил к знакомым в Урай, даже на буровой там побывал: любопытно было. Молодого человека готовы были взять на работу помбуром, но ему хотелось работать по знакомой специальности. Потому поехал дальше. В Урае впервые услышал о Мегионе: рабочие говорили, что в Среднем Приобье природа красивей и нефти больше. А Динькаев был не обременён семьёй, ничем не связан, потому полетел в Тюмень, оттуда - в Сургут, а из Сургута на "Ракете" добрался до Мегиона. И летом 1968 года был принят геофизиком в промышленную геофизическую партию Мегионской нефтеразведочной экспедиции.

Первое месторождение, куда его направили, - Варьёганское, затем - Черногорка, Самотлор... Первым геологом, с которым общался, был Валентин Гавриков, что впоследствии стал начальником МНРЭ, а после руководил объединением "Мегионнефтегазгеология".

Геофизики следят за процессом бурения, через определённые геологами промежутки должны спускать в скважину свои датчики, чтобы снять показания электромагнитных и радиактивных излучений. Когда буровики передают скважину испытателям и переезжают, геофизики остаются и вместе с испытателями испытывают её, каждый пласт в отдельности. Так было, так и осталось, только современные приборы намного удобнее в работе и точнее. Динькаеву запомнился Самотлор очень большим количеством нефтеносных пластов. Нефтяной пласт, метров пять глинистой прослойки, потом - нефть, прослойка и снова - нефть. И так не менее 20 раз. На этом месторождении бывало, что скважину по целому году испытывали.

У геофизиков должно быть специальное образование. Диплома Динькаев не имел, зато у него был опыт. Через год его отправили на курсы повышения квалификации, а в восьмидесятых он отучился в Саратовском техникуме.

Вслед за Римом в Мегион приехала его невеста, устроилась в МНРЭ лаборант-коллектором. Поженились, начинали совместную жизнь в общежитии, получили однокомнатную квартиру в "деревяшке", родились двое детей. Потом переезжали в "двушку", в трёхкомнатную в "деревяшке" и, наконец, осели в капитальной квартире в девятиэтажном доме.

Геофизическая экспедиция была выделена из состава МНРЭ, но месторождения, где были мегионские геологи, по-прежнему обслуживали они. Рим Каримович Динькаев работал в этой экспедиции до 1987 года. Затем несколько лет - в Нижневартовской геофизике, поработал у мегионских нефтяников оператором на Агаче...

В целом биография его почти типична. Рассказы геологов-первопроходцев

об их судьбах, о работе во многом схожи. И всё ж Рим Каримович отличался от других: он почти всегда и везде был с фотоаппаратом, и на работе, и на прогулках по городу искал интересные кадры. Щёлкал затвором, пока плёнка не заканчивалась, потом бежал в свою лабораторию, проявлял, печатал... В шестидесятых годах фотоаппарат был редкостью.

-Я с самого детства фотографирую, - рассказывает Рим Каримович. - Папа с войны привёз фотоаппарат немецкий, очень удобный. Там можно было один - два кадра снять, отрезать плёнку и одевлять. В Мегионе я залезал на самые высокие строения, панораму города снимал, на работе фотографировал всё подряд. А фотографии в основном раздавал.

В друзьях у Динькаева - ветераны-геологи не только из геофизики. Несколько лет назад он принёс к ним фотографии, что делал в шестидесятые-семидесятые годы. И с каким интересом мужчины разбирали их, вглядываясь в лица, запечатлённые на снимках, в дома, которые уже давно снесены, вспоминая свою молодость!

-Знаете, у нас на компанию мужиков была бутылка водочки, так за вечер выпить не смогли. Забыли о ней! С фотографиями интересней! - поделился Динькаев. - Ребята загорелись, решили собирать всё, что у кого есть. Ведь не я один фотографировал. Ищем ветеранов, просим у них старые фотографии. Татьяна Юргенсон из библиотеки помогает их отцифровывать, и мы возвращаем людям их фотографии.

Так стихийно создалась группа активистов, которые занялись сбором фотоархива геологии и Мегиона. Это было ещё перед пятидесятилетием Мегионской нефтеразведочной экспедиции, к юбилею собрали немало. Старые фотографии активистам отцифровали, лучшие из них при финансовой помощи МНРЭ были распечатаны. В зале библиотеки к юбилею МНРЭ открылась фотовыставка. Она работала долго; и ветераны с детьми, внуками приходили в библиотеку специально для того, чтобы увидеть её. Бабушки указывали внукам: мол, посмотри, это твой дед, вот каким он был в молодости.

К празднованию 55-летнего юбилея МНРЭ во Дворце искусств также экспони-

ровались фотографии из личного архива Динькаева и те, что ему удалось собрать. И здесь снимки тоже привлекли много зрителей.

Сейчас Рим Каримович сокрушается, что не все снимки и плёнки сохранил.

-Я печатал только то, что нравилось, да что товарищи просили. Жаль, не думал, что это пригодится не только мне.

Больше всего Рим Каримович переживает об утрате трёх плёнок, на которые он снимал в 1972 году аварию на скважине Р-6 Варьёганского месторождения. Это была самая серьёзная за историю МНРЭ авария. Причины её были почти такие же, по которым в 1953 году произошёл разрушительный выброс газа на первой скважине Берёзовского месторождения. В 1972 году, к счастью, никто не погиб, однако тушили пожар не один месяц. Бурильщик неверно оценил пластовое давление, не нагнетал в скважину растворы. А месторождение оказалось сложным: над нефтяным пластом была газовая шапка, и газ под огромным давлением вырвался из скважины, выворачивая оборудование, разбрасывая по тайге металлические трубы, словно лёгонькие макароны. Столб пламени взметнулся на высоту более километра. Динькаев был на той скважине, когда произошёл выброс газа. Он видел, фотографировал. Вернувшись в Мегион, проявил плёнки. Немного успел напечатать, нужно было снова ехать на работу. Знакомый взял плёнки, чтобы распечатать их, но - уволился и уехал. Плёнки с редкими кадрами пропали. И, встречаясь с ветеранами, Рим Каримович всех расспрашивает, может быть, кому-то в руки попали те его плёнки или хотя бы снимки, на которых запечатлён газовый фонтан и то, как люди пытаются его обуздать.

Жаль, что сохранилось не всё. Однако у Рима Каримовича остался всё же солидный архив, который очень интересно разбирать. Мегион на старых снимках другой, женщины и мужчины одеты скромнее, проще. Но зато какие там лица - счастливые, задорные, добрые! Лица людей из поколения романтиков... Тех, кому по плечу было покорять огромные сибирские просторы, строить в непроходимых дебрях дороги, города, открывать месторождения одно за дру-